

Хан Сиэнь словно не заметил тайного вздоха государя. Лицо его подернулось легкой грустью — именно так и должен выглядеть истощенный недугом человек.

Слегка покашляв, он с тихой печалью произнес:

— Ваше Величество, преданный слуга всей душой желал еще долгие годы верой и правдой служить престолу, но здоровье... Силы угасают слишком быстро. Когда я думаю о том, каким безграничным доверием вы меня одарили, сердце мое обливается кровью от собственного бессилия.

Император опешил: столь беззащитным и надломленным он видел своего любимца впервые. В памяти невольно всплыли прежние дерзкие, порой безрассудные поступки юноши, и нынешний упадок духа казался совершенно чуждым его натуре. По мнению государя, такой прямолинейный и гордый человек, как Хан Сиэнь, должен был с высоко поднятой головой взирать на придворную клику, а не поддаваться унынию.

— Полно тебе, верный мой Сиэнь, ты слишком тревожишься, — мягко прервал его император. — Слабость требует покоя и заботы. Разве в моих кладовых мало редчайшего целебного снадобья? Неужели лекари императорской палаты не поднимут тебя на ноги? Мое слово твердо: раз я говорю, что ты поправишься, значит, так тому и быть. Выбрось пустые думы из головы и думай лишь о выздоровлении. А государственные дела подождут. Встанешь на ноги — тогда и отблаговаришь меня за заботу службой.

Хан Сиэнь прикусил губу. На его лице отразилось такое глубокое волнение, словно он не находил слов от признательности. В конце концов он лишь тихо вымолвил:

— Преданный слуга благодарит Ваше Величество за великую милость.

Наблюдая за редким смущением юноши, император почувствовал, как в груди шевельнулось раскаяние. Ведь прежде, какие бы великие заслуги ни числились за Хан Сиэнем, государь под разными предлогами умалял их значение и почти не жаловал его наградами. А тот никогда не роптал — разве что в минуты крайнего безденежья позволял себе в шутку посетовать на бедность.

Глядя на изможденного болезнью подданного, император неловко кашлянул:

— Знаю твой независимый нрав. С отцом вы ладите плохо, а просить о помощи ты не станешь, даже если окажешься на мели. Твоя младшая сестра, Хан Минчжу, скоро выходит замуж. В честь этого радостного события я жалуя тебе... нет, не серебро, а тысячу золотых ланов. Пусть это скрасит твои заботы.

Произнося эти слова, правитель ощутил легкий укол скупости. Однако, вспомнив груды серебра и золота, которые Хан Сиэнь самолично конфисковал у коррупционеров и отправил прямиком в казну, государь решил, что для столь верного слуги никакой награды не жаль.

Хан Сиэнь выказал искреннее изумление, смешанное с благоговейным восторгом. С поклоном

поблагодарив государя, он на мгновение замялся, но все же решился заговорить вновь:

— Ваше Величество зрит в самую суть. Мои домашние неурядицы никогда не были тайной для короны, да и скрыть их невозможно. Хан Минчжу — моя единственная родная сестра. Вскоре она покинет отчий дом. Если со мной случится непоправимое и я не смогу оберегать ее, умоляю Ваше Величество... Если ей когда-нибудь доведется столкнуться с непреодолимой бедой, вспомните о скромной службе вашего покорного слуги и окажите ей покровительство.

Он намеренно не стал злоупотреблять расположением государя и просил лишь о заступничестве в крайнем случае. Монаршая благосклонность изменчива: если докучать владыке частыми просьбами, со временем его это начнет раздражать, и бывшая признательность сойдет на нет. В эту эпоху воля императора была абсолютным законом. Каким бы милостивым он ни казался, в его отношении к подчиненным всегда сквозила холодная снисходительность повелителя.

Хан Сиэнь не ладил с сородичами, да и Хан Минчжу тоже. После свадьбы оставалось лишь надеяться, что герцогский дом Хань не станет вредить ей — о помощи от них не могло быть и речи. К тому же история со Старой госпожой... Пусть прямых улик против Хан Минчжу не было, но бурная реакция старой госпожи при виде внучки неизбежно сеяла семена подозрений. Именно поэтому Хан Сиэнь рассудил, что пока император проявляет к нему редкое снисхождение, стоит заручиться его поддержкой — это станет для сестры надежным щитом на будущее.

Услышав столь мрачные предзнаменования, император нахмурился и строго прервал его:

— Оставь эти похоронные речи! Я ведь только что сказал: ты обязательно поправишься.

Осознав, пожалуй, что высказался излишне сурово, государь несколько раз кашлянул и смягчил тон:

— На улице еще весенняя прохлада, так что возвращайся в поместье и береги себя. Как окрепнешь, придешь засвидетельствовать почтение. А лекарю Чжоу я велю навещать тебя ежедневно и следить за твоим состоянием.

Договорив, император вновь зашелся сухим кашлем, а на его щеках проступил нездоровый румянец. Он утомленно взмахнул широким рукавом, отпуская гостя.

Хан Сиэнь помедлил секунду, а затем негромко произнес:

— Ваше Величество... Прошное уже свершилось, и смертным не под силу переписать его. Прошу вас, берегите себя вопреки всему.

От этой неожиданной заботы император оцепенел, и к горлу его подкатил горький ком. Он был владыкой Поднебесной, восседал на драконьем троне, но оставался живым человеком. Недавний дворцовый переворот заставил его навсегда разорвать узы с матерью — вдовствующей императрицей — и унес жизни двоих его сыновей. Конечно, величие престола не позволяло ему выказывать слабость, но глубоко в душе зияла незаживающая рана. Государь

увядал на глазах: хотя он по-прежнему держался с непоколебимым достоинством, в уголках его глаз залегла глубокая, неизбывная тоска.

При дворе никто не смел заговаривать о случившемся кошмаре, и уж тем более никто не решался выразить сочувствие. В глухие ночные часы, когда сон бежал от его ложа, император оставался наедине со своим одиночеством. Расположение к Хан Сиэню в его сердце мгновенно возросло стократно. Правитель в очередной раз убедился, что не зря выделял юношу среди прочих сановников: в огромном дворе, полном угодников, лишь он один нашел в себе смелость выказать искреннее человеческое тепло.

Стоявший подле трона евнух Юань Бао сразу понял по лицу господина, какие думы его одолевают, и почувствовал острую обиду. Ведь он тоже страдал за императора, но просто-напросто не смел раскрыть рот! С тех пор как вдовствующая императрица затворилась в своих покоях, второго принца взяли под стражу, третьего сослали охранять императорские гробницы, а добродетельную наложницу Сянь заперли в холодном дворце, государь сделался подозрителен ко всем без исключения. Слуги дышать боялись в его присутствии. На него же, невольного свидетеля всех тайн, император то и дело бросал тяжелые, пронизывающие взгляды — так смотрят на покойников. Разве мог Юань Бао дерзнуть на утешения? Он лишь молил небо о пощаде и ждал, пока утихнет буря, чтобы излить верность. Но подходящего часа все не находилось, и вот — явился Хан Сиэнь и одним махом завоевал доверие владыки. Знать бы заранее, Юань Бао рискнул бы даже головой, лишь бы опередить этого выскочку!

Хан Сиэнь, разумеется, не ведал о душевных терзаниях евнуха. Оставив о себе наилучшее впечатление, он чинно откланялся и покинул чертоги.

Едва за гостем закрылись двери, Юань Бао со слезами на глазах опустился на колени перед государем:

— Ваше Величество, старый слуга... я...

Посмотрев на его жалкий вид, император устало махнул рукой, веля подняться:

— Довольно. Ты служишь мне с юных лет, и я без слов знаю, что у тебя на уме.

Растроганный до глубины души евнух зарыдал, уткнувшись лбом в каменные плиты:

— В сердце старого слуги нет ничего, кроме безграничной преданности! Если владыка не отвергнет меня, я готов безропотно принять смерть!

Император недовольно поморщился:

— Что за поветрие сегодня? Один хоронит себя, другой о смерти твердит. Прекратить эти разговоры. Ступай лучше принеси донесения о делах второго и третьего принцев — погляжу, присмирели ли они.

Юань Бао поспешно поднялся, утер слезы широким рукавом халата и бросился собирать

свитки с докладами.

У дворцовых ворот Хан Сиэнь столкнулся с пятым принцем, Цзи Хуаем, который спешил на аудиенцию. После заточения матери тот до смерти боялся гнева отца, однако в последнее время зачастил во дворец в надежде вымолить для нее прощение. Возможно, присутствие рядом молодой наложницы остепенило его — Цзи Хуай словно повзрослел за одну ночь. Завидев Хан Сиэня, он резко замер на месте, а его лицо на миг окаменело.

Хан Сиэнь окинул его равнодушным взглядом — без презрения, но и без тени почтения, — после чего прошел мимо. Цзи Хуай обернулся ему вслед, и во взгляде его смешались обида и растерянность.

В душе Хан Сиэня царил полный покой. Он вытащил на свет самую грязную тайну правящей династии и сделал все, что велит долг. Но его обязательства связывали его лишь с инструктором Бай Шу, а вовсе не с принцем. Он не питал к Цзи Хуаю неприязни, но и заискивать перед ним не собирался — незачем было создавать иллюзию дружбы. Будет ли принц ненавидеть его до конца дней? Хан Сиэня это не заботило. В конце концов, он не червонец, чтобы нравиться абсолютно всем.

Весть об императорской награде — тысяче золотых ланов — летела впереди экипажа Хан Сиэня, возвращавшегося в поместье герцога. Опустим описание чувств, охвативших прочих членов клана Хань при чтении указа, но посторонние люди, узнав о щедрости государя, исходили завистью и бессильной злобой. Надо же: человек месяцами не показывался на людях, прикрываясь немощью, а стоило ему сделать один шаг за порог — и на него пролился золотой дождь.

«Смутяня и любимец трона, — шептались злопыхатели. — Милость к нему воистину безгранична».

Сам же виновник переполоха повел себя на удивление тихо. Напомнив о себе государю, он безвылазно заперся в герцогском поместье. Столица вздохнула с облегчением. Раз уж этот грозный юноша не искал новых жертв, знатные дома могли не опасаться внезапных обысков, арестов и ссылок. Наступили редкие дни покоя.

В третьем месяце старшая барышня, Хан Цинсюэ, покинула отчий дом. Накануне свадьбы, по старинному обычаю, двор заполонили сундуки с приданым. Помимо золота и дарственных на плодородные земли, взорам гостей предстали редчайшие драгоценности. Клан Хань не поскупился, желая показать, сколь важен для них этот союз.

В день торжества Цзи Хуай, будучи сыном императора, мог бы порекомендовать встречу невесты

доверенным лицам, но явился сам, тем самым выказав невесте глубокое почтение. Друзья и родственники невесты, как водится, немного помучили жениха у ворот, но стоило принцу составить изящное, хоть и слегка напыщенное стихотворение, как створки распахнулись.

На руках до свадебного паланкина невесту донес ее старший брат, Хан Юэчжун. С тех пор как Хан Сиэнь бесцеремонно сбросил его в ледяной пруд, молодой человек сильно сдал, осунулся и присмирел. В поместье он старался передвигаться тенью, лишь бы не попасться на глаза грозному кузену. Безусловно, в душе он питал к нему жгучую ненависть, но понимал, что сейчас у него нет сил для борьбы, и затаился до лучших времен.

Поздравить герцога собралась вся столичная знать. О чем бы ни шептались гости за кубками вина, каждый сознавал: после опалы братьев именно Цзи Хуай имел наибольшие шансы стать наследником престола. Осторожные царедворцы рассудили, что если и не стоит пока открыто заискивать перед пятым принцем, то выказывать ему холодность — верный путь к гибели.

Хан Сиэнь, разумеется, пренебрег празднеством. Он даже не соизволил явиться для приличия, чтобы изобразить семейное согласие. Уединившись во дворике Душистых Орхидей, он неторопливо перелистывал страницы старинного трактата, глухой к шуму и веселью, доносившимся с парадного двора.

Второй незаметной фигурой в эти дни оставалась Хан Минчжу. Получив императорский указ о бракосочетании, она безвыездно сидела в девичьих покоях, расшивая шелком свадебный наряд. Под предлогом спешной работы она почти перестала навещать больную бабушку, и припадки безумного страха, овладевавшие старухой при виде внучки, постепенно сошли на нет.

После того как затихли свадебные бубны, в поместье вернулся привычный уклад. Честно говоря, когда Хан Сиэнь не устраивал расправ, жизнь в герцогском доме была вполне сносной.

Лишь в шестом месяце, в день бракосочетания Хан Минчжу, Хан Сиэнь вновь предстал перед домочадцами. Стоит признать, что приданое, собранное для Хан Минчжу, уступало богатству ее кузины. И все же, пускай Хан Цинсюэ выходила за принца, а Хан Минчжу — за наследника уездного князя, родные жениха прислали столь щедрые дары, что герцогу пришлось включить их все в перечень свадебного имущества девицы.

Разумеется, вторая супруга герцога, госпожа Лю, лелеяла надежду утаить часть подношений. Мол, коли семья невесты оставляет подарки себе — это обычное дело, никто не посмеет упрекнуть мачеху в жадности. Однако стоило Хан Сиэню невзначай прогуляться мимо дверей кладовой, как герцог Хан Чжо в страхе обрушил на жену поток яростных бранных слов. Навредит ли это чести Минчжу — вопрос сомнительный, но в одном Хан Чжо не сомневался: если пасынок прознает о хищении, он раздует такой скандал, что от репутации их благородного дома не останется и мокрого места.

Получив нагоняй, госпожа Лю поспешно отступилась от своих замыслов, а Хан Сиэнь остался доволен благоразумием отца. Когда свадебный поезд Минчжу тронулся к воротам уездного

князя Юна, впереди всех несли не утварь или шелка, а сундук с той самой тысячей золотых ланов.

Сама по себе эта сумма, равная примерно десяти тысячам серебряных монет, для богатого рода не казалась чем-то запредельным. Однако происхождение золота — личный дар императора — делало его поистине бесценным. Тот факт, что молодой человек без сожаления отдал столь почетную награду сестре, растрогал всю столицу. Любой прохожий понимал: ради счастья сестры Хан Сиэнь готов пойти на все.

В день свадьбы, когда Цзи Юэ прибыл за невестой, Хан Сиэнь замер у дверей не проронив ни звука. Хан Юэчжун и Хан Юэцин также хранили угрюмое молчание. Неловкую паузу прервал младший единокровный брат Хан Сиэня, Хан Юэвэнь: с юношеским задором и дерзостью он принялся испытывать жениха заковыристыми вопросами, тем самым разрядив тяжелую атмосферу.

Вопреки ожиданиям завистников, надеявшихся, что болезненный на вид Хан Сиэнь споткнется и выронит Хан Минчжу прямо в грязь, он твердой походкой донес Хан Минчжу до паланкина. Оказавшись под алым шелковым пологом, Хан Минчжу крепко сжала пальцы брата, но тот лишь небрежно бросил:

— Живи спокойно и не позволяй никому садиться себе на шею.

Стоявший рядом Цзи Юэ побледнел от страха и поспешно заверил:

— Что вы, что вы! Никогда в жизни!

Собравшаяся толпа так и покатилась со смеху. Даже у невесты под нарядным покрывалом высохли слезы. Залившись краской от смущения, молодой жених тем не менее продолжал преданно ловить каждый взгляд шурина.

С тех пор за чаркой вина горожане не раз со смехом поминали эту свадьбу. Кое-кто зубоскалил, будто наследник князя струсил еще до того, как молодая жена переступила порог его спальни, но большинство сходилось во мнении: парень просто до смерти боится своего грозного шурина. Как бы то ни было, Хан Минчжу благополучно покинула герцогское гнездо.

Цзи Юэ вскочил в седло, поклонился гостям на прощание, и кавалькада тронулась в путь. Хан Сиэнь стоял на ветру до тех пор, пока паланкин не скрылся за поворотом улицы, и лишь тогда неторопливо направился обратно в дом. Не то чтобы разлука ранила его сердце — просто он понимал: пока он не уйдет, никто из челяди и родни не посмеет сдвинуться с места.

На третий день, когда наступила пора традиционного визита вежливости молодых, Хан Чжо, преодолевая неловкость, радушно принял зятя. Хан Сиэнь тоже присутствовал на обеде. Лицо Хан Минчжу светилось неподдельной радостью — было очевидно, что в новой семье ее окружили заботой.

Цзи Юэ не дерзнул предлагать вино шурина, а потому все время занимал беседой тестя. Хан Чжо, выказывая уважение княжескому роду, с вежливой миной поддерживал пустой разговор, хотя на душе у него скребли кошки.

Когда пришло время прощаться, герцог обронил положенную по этикету фразу:

— Береги мою дочь.

Цзи Юэ мгновенно подобрался. Под ироничным, пронизывающим взглядом Хан Сиэня он едва ли не прижал руку к сердцу:

— Будьте покойны, почтенный тесть! Клянусь, Хан Минчжу ни в чем не будет знать нужды и печали.

От этих слов Хан Чжо сделалось окончательно тошно, а Хан Сиэнь лишь негромко рассмеялся и в на удивление благодушном настроении проводил молодых до экипажа.

На следующее утро после визита сестры у ворот усадьбы остановилась тяжело груженная повозка. Прибывший с ней странствующий купец объявил, что доставил дары от некоего высокопоставленного военного с западных рубежей.

На границе Сицзяна в последнее время было неспокойно — отряды степных варваров Сижун то и дело совершали набеги на мирные селения. Купеческая доля требует чуткости, поэтому, почуяв запах пороха, торговец спешно свернул дела и устремился в тихую столицу.

Когда суровый офицер разыскал этого купца по фамилии Ма, тот поначалу наотрез отказался брать лишнюю кладь — ведь платить за провоз служивый не собирался. Однако, когда к его горлу прижали холодное лезвие клинка, а из уст воина прозвучало имя адресата — наследник Хан Сиэнь, — строптивость торговца мгновенно сменилась паническим ужасом. О крутом нраве грозного юноши судачили по всей империи Великая Чжоу. Обычно в дальнем пути купцы не брезговали возможностью утаить часть чужого добра, но к этой повозке Ма не посмел даже прикоснуться, опасаясь, что за малейшую пропажу Хан Сиэнь сотрет его с лица земли.

Хан Сиэнь велел слуге Ань Цао щедро отблагодарить гостя сотней серебряных ланов, а доставленные сундуки перенести в свои покои.

Сняв крышки с деревянных ящиков, слуги обнаружили груды дикого женьшеня разной величины, корни многоцветкового горца хэшоуу и редчайшие целебные травы, добытые на обледенелых кручах. Все эти драгоценные снадобья лежали вперемешку, засыпанные подсохшей землей. В соседнем ларе покоились великолепные меха — мягкие, с густым блестящим ворсом редкого окраса.

Хан Сиэнь долго, не мигая, созерцал эти нехитрые дары, а затем глухим голосом приказал запереть их в сокровищнице.

На исходе шестого месяца грянул новый гром: император повелел вернуть из ссылки опального третьего принца, Цзи Ло. Торжественную встречу у городских ворот было поручено возглавить Хан Сиэню во главе чинов Министерства ритуалов.

Оказать столь пышный прием отверженному сыну... Проницательные вельможи сразу смекнули, куда дует ветер, и у Хан Чжо тревожно забилося сердце. Те, кто уже собирался присягнуть на верность пятому принцу, Цзи Хуаю, поспешно затаились, выжидая развязки. Весь двор замер в напряженном ожидании монаршего решения.

Хан Сиэнь ничуть не удивился такому повороту событий. С тех пор как безвременная кончина благородного супруга Ван Ина легла на совесть государя тяжким бременем раскаяния, его отношение к Цзи Ло переменилось. Теперь император больше не скрывал своей тоски по ушедшему возлюбленному и готов был осыпать милостями его дитя.

В день прибытия принца Хан Сиэнь задолго до рассвета ожидал у заставы. Цзи Ло ехал верхом, окруженный плотным кольцом отборных гвардейцев, которых государь лично выслал навстречу сыну. Очевидно, правитель всерьез опасался за жизнь своего наследника на тракте.

Проводив принца до парадных палат дворца, Хан Сиэнь тотчас удалился. В безмолвии тронного зала отец и сын долго смотрели друг на друга, не находя слов.

Наутро над столицей прогремели два указа. Первый провозглашал третьего принца, Цзи Ло, наследником престола. Второй — предписывал пятому принцу, Цзи Хуаю, немедленно отбыть на западные рубежи в качестве императорского инспектора, дабы усмирить набеги варваров Сижун.

Эти повеления перевернули все вверх дном. Домочадцы герцога Хань изо всех сил пытались скрыть новости от больной Старой госпожи Хань, но та случайно прослышала о случившемся.

Проведя без движения более полугода и полностью завися от чужих рук, старая госпожа Хань и без того угасала от черной желчи. Потрясение оказалось слишком сильным: дыхание ее прервалось, и она без чувств повалилась на подушки.

Перепуганный Хан Чжо спешно призвал придворного лекаря. Тот, ощупав пульс умирающей, лишь сокрушенно покачал головой: гнев и страх сожгли последние жизненные силы старухи, и теперь оставалось лишь поддерживать в ней угасающую искру бытия с помощью снадобий.

Братья Хан Чжо и Хан Шу буквально на коленях умоляли медика совершить чудо. Их рвение

объяснялось просто: кончина матери означала немедленный уход в трехлетний траур «динъю». На целых три года им пришлось бы оставить службу, безвольно наблюдая, как ускользают из рук власть, чины и влияние при дворе. Осознав, что простой лекарь бессилен, Хан Чжо бросился во дворец молить императора прислать прославленного лекаря Чжоу.

В столь малой просьбе государь отказывать не стал. Выдающийся целитель немедленно отправился вслед за герцогом в его резиденцию.

Но едва они переступили порог усадьбы, как Хан Чжо обомлел: в доме царил неописуемый хаос, слуги с искаженными от ужаса лицами бестолково метались по коридорам. Не желая позорить имя рода перед императорским лекарем, герцог гневно прикрикнул на дворню, требуя объяснений. В этот момент со двора ворвался запыхавшийся Ань Цао. Не помня себя от горя, он рухнул на колени перед лекарем Чжоу и, заливаясь слезами, взмолился о спасении жизни Хан Сиэня.

Как выяснилось, едва Хан Чжо уехал во дворец, второй дядя, Хан Шу, подстерег Хан Сиэня в саду. Вне себя от ярости, он обвинил племянника в скорой кончине матери и осыпал его площадной бранью. Юноша проявил удивительное долготерпение и не проронил ни слова в ответ. Обезумевший от злобы Хан Шу вернулся в свои покои, вооружился мечом и в сопровождении толпы слуг ворвался во дворик Душистых Орхидей, где безжалостно нанес племяннику тяжелую рану.

<http://bllate.org/book/20088/2002069>